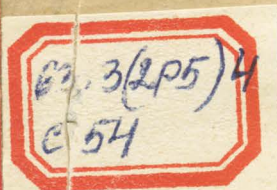

М 42785

АЯ БИБЛІОТЕКА.

Роболевъ.

ЗАВОЕВАНІЕ

СИБИРИ.

Историческій очеркъ.

МОСКВА. — 1917.

2-е книжнаго склада М. В. Ключкина, Ваганьковскій п., д. 9

reg. ap

14 42785 у

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

В. Соболевъ.

63.3(2R5)/4
С 54

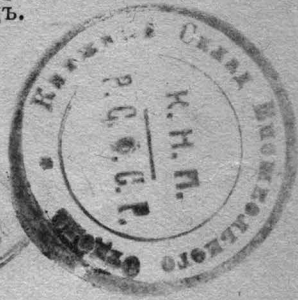
ЗАВОЕВАНІЕ СИБИРИ.

Историческій очеркъ.

247424

Печатано съ 1-го изданія, допущен. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.
въ ученич. библиот. низшихъ училищъ.

МОСКВА. — 1917.

Изданіе 2-е книжнаго склада М. В. Ксюжина.

Ваганьковский пер., д. № 9.

Типографія Вильде, преемн. К. К. Гаусманъ, Брестскій пер., д. № 2

I.

За высокими Уральскими горами или „Каменнымъ поясомъ“, какъ ихъ именовали въ старину, начинается обширная и богатая страна, называемая Сибирью. Страна эта чуть не въ три раза больше всего русскаго царства и занимаетъ почти одиннадцать милліоновъ квадратныхъ верстъ.

Богатства сибирскаго края неисчислимы. Тамъ добывается золото, драгоцѣнные камни, мѣдь, желѣзо, свинецъ и магнитный желѣзнякъ. Все это находится въ землѣ и широкими пластами идетъ въ глубь страны, а ближе къ Уральскимъ горамъ есть громадныя залежи каменнаго угля.

Въ лѣсахъ этого обширнаго и богатаго края, которыми онъ изобилуетъ и которые тамъ называются „тайгою“, водятся въ огромномъ количествѣ разные пушные звѣри, охота на которыхъ тамъ очень развита и составляетъ одинъ изъ главныхъ промысловъ жителей.

Въ прежнія времена Сибирь принадлежала татарамъ, которые, придя съ юга, покорили ее подъ свою власть, а исконныхъ ея жителей, остяковъ и вогуличей, поработили и сдѣлали своими данниками.

Городовъ въ Сибири въ то время не было, а были лишь одни поселки и кочевья, которые большею частью и назывались городами. Самый главный изъ этихъ поселковъ былъ „Искеръ“ или „Сибирь“, построенный татарскимъ князькомъ Магметомъ на берегу рѣки Иртыша и считавшійся сибирской столицей.

Прослышавъ отъ московскихъ купцовъ про эту Сибирь, великій князь Иванъ III задумалъ обложить ея жителей данью, для чего послалъ туда своихъ воеводъ съ ратными людьми. Но воеводы эти ничего тамъ не могли сдѣлать, такъ какъ сибирскіе татары ихъ разбили на-голову и они принуждены были вернуться съ пустыми руками.

Много спустя послѣ этого, когда на Руси царствовалъ Іоаннъ IV, прозванный народомъ Грознымъ, сибирскій ханъ Едигеръ добровольно вызвался платить дань Русскому царю, съ условіемъ, чтобы послѣдній за это защищалъ его отъ враждебныхъ ему сибирскихъ князьковъ. Іоаннъ IV обрадовался и согласился на такія условія, но вскорѣ въ Сибирь пришелъ изъ дальнихъ киркизь-кайсацкихъ степей сынъ киркизскаго хана Муртазы, князекъ Кучумъ, который, разбивъ Едигерово войско, самого его убилъ и завладѣлъ всѣмъ Сибирскимъ царствомъ.

Этотъ Кучумъ на первыхъ порахъ также призналъ себя данникомъ московскаго государя, но потомъ, когда къ нему пріѣхалъ царскій посолъ, онъ его убилъ и заявилъ себя независимымъ ни отъ кого. Съ этихъ поръ вся та часть сибирскаго края, которая начиналась по ту сторону Уральскихъ горъ, стала самостоятельнымъ татарскимъ царствомъ, а по эту сторону, ближе къ Россіи, находились наши пограничныя области,

образовавшіяся изъ русскихъ поселенцевъ. Всѣ эти области назывались тогда однимъ общимъ названіемъ „Великая Пермь“.

Эта Великая Пермь находилась между рѣками Камою и Сѣвѣрною Двиною и славилась многими выгодами и удобствами, изъ-за которыхъ русскіе и переселялись въ эту землю.

Выгоды и удобства, представляемыя Великой Пермью, были дѣйствительно очень немаловажны: во-первыхъ изобиліе свободной и никѣмъ не заселенной земли, а во-вторыхъ, дешевизна всего необходимаго и нужнаго для жизни. Мѣновая торговля, которая тогда существовала между русскими и инородцами, давала нашимъ поселенцамъ большіе барыши, благодаря которымъ они быстро тамъ устраивались и богатѣли.

Въ числѣ прочихъ такихъ поселенцевъ въ области Великой Перми были между прочимъ и богатые купцы Строгановы, которые въ то время имѣли у себя огромныя соляныя варницы. Жили эти Строгановы по особой жалованной грамотѣ, выданной имъ сыномъ великаго князя Ивана III, Василиемъ Іоанновичемъ, которой имъ позволено было рубить лѣса, заселять и обрабатывать пустыри, устраивать соляныя варницы и звать на нихъ всякихъ рабочихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые состоятъ на „тяглѣ“ *), и приписанныхъ къ извѣстному мѣсту.

О происхожденіи рода Строгановыхъ рассказываютъ такъ. Одинъ знатный татарскій мурза изъ Золотой Орды, именемъ Спиридонъ, принялъ крещеніе и, ставъ христіаниномъ, отдалъ всего себя на служеніе Россіи.

*) Тягло—обязанность, повинность.

Этотъ Спиридонъ былъ человѣкъ очень способный и часто помогалъ русскимъ князьямъ и дѣломъ и совѣтами въ ихъ походахъ и ратныхъ дѣлахъ. Онъ же, по преданію, научилъ русскихъ и употребленію счетъ.

Татары, конечно, не могли смотрѣть равнодушно на то, что такой знатный и опытный во многихъ дѣлахъ мурза, съ принятіемъ христіанства, открыто заявилъ себя русскимъ, и, крайне озлобившись на него, стали искать случая отомстить ему за его отступничество.

Случай этотъ скоро представился. Въ одной изъ битвъ съ русскими татары взяли Спиридона въ плѣнъ. Тутъ они подвергли его ужаснымъ пыткамъ и, наконецъ, начали живого строгать его желѣзными кошками до тѣхъ поръ, пока онъ въ страшныхъ мученіяхъ не умеръ.

Поэтому въ послѣдствіи и всѣ потомки Спиридона стали называться „Строгановы“.

Живя въ области Великой Перми и владѣя обширными землями, купцы Строгановы старались о благоустройствѣ этого края и развивали тамъ промышленность, но сибирскіе татары вмѣстѣ съ нѣкоторыми инородцами часто тревожили ихъ своими набѣгами и причиняли не мало вреда. Цѣлыми шайками приходили изъ-за Уральскихъ горъ эти полудикіе хищники и, нападая на русскіе поселки, грабили ихъ и разоряли. Скотъ они угоняли къ себѣ, мужчинъ убивали, а женщинъ вводили въ неволю.

Ратныхъ людей у Строгановыхъ тогда не было и защищаться отъ подобныхъ набѣговъ зауральскихъ грабителей имъ было очень трудно, такъ какъ у нихъ кромѣ того не было даже и оружія.

Особенно часты стали эти набѣги при татарскомъ

царѣ Кучумѣ, когда послѣдній, отказавшись платить московскому государю дань, сталъ независимымъ владѣтелемъ всего Сибирскаго края. По наущенію этого Кучума, родственникъ его Махметкулъ, перейдя однажды Уральскія горы, разорилъ у Строгановыхъ почти половину ихъ поселковъ и даже чуть-было не дошелъ до самихъ Строгановыхъ.

Увидѣли тогда именитые купцы, что дѣло ихъ плохо: сегодня одинъ ихъ разорить, завтра другой,—этакъ имъ не сдобровать, и написали въ Москву Іоанну Грозному челобитную, въ которой жаловались, что сибирскій царь какъ ихъ, такъ и другихъ поселенцевъ сильно обижаетъ, а потому и просили разрѣшить имъ строить крѣпости и набирать ратныхъ людей, а для угрозы татарскимъ грабителямъ „переходить“ и за Уральскія горы. Денегъ на это они себѣ не требовали, а просили только то, чтобы имъ были даны на двадцать лѣтъ льготы отъ всѣхъ платежей и повинностей и, кромѣ того, выданы бы были новыя жалованныя грамоты на тѣ земли, которыя они пріобрѣтутъ по ту сторону Уральскихъ горъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный далъ Строгановымъ право строить крѣпости съ ратными людьми и переходить за Уральскія горы. Кромѣ того къ ихъ прежнимъ владѣніямъ прибавилъ еще земли чуть не на сто пятьдесятъ верстъ, но обязалъ ихъ защищать не только однихъ себя, но и другихъ промышленниковъ-поселенцевъ. вмѣстѣ съ этимъ правомъ Строгановы получили право вести войну не только оборонительную, но также и наступательную,—посылать войско на сибирскаго царя, брать сибирцевъ въ плѣнъ и дѣлать ихъ данниками московскаго государя.

Эта наступательная война была и необходима и неизбежна: прежде, чѣмъ взять въ свое владѣніе землю за Уральскими горами, поставить тамъ для острастки крѣпость и завести на ней впослѣдствіи промыслы, надо было отвоевать ее у сибирскаго царя, который владѣлъ ею и считалъ ее своей собственностью.

Но изъ кого могли Строгановы составить свое войско для веденія наступательной войны съ сибирскимъ царемъ? На инородцевъ, которые бы, пожалуй, пошли изъ-за наживы, была плохая надежда; для этого требовались люди болѣе вѣрные, болѣе живые, устойчивые и воинственные. Вотъ въ такихъ-то людяхъ Строгановы и нуждались: имъ нужны были казаки.

И казаки явились.

II.

Южная степная окраина Московскаго государства, которая постоянно подвергалась нападеніямъ разбойничьихъ ордъ, требовала военного населенія, которое было бы всегда наготовѣ отражать врага. И дѣйствительно, эта окраина давно уже имѣла такое населеніе изъ вольныхъ людей, охочихъ до войны, называвшихся казаками. Жили эти казаки станицами, получали отъ правительства земли и помѣстья и несли государственную службу.

Съ теченіемъ времени люди, которымъ почему-либо не нравилось въ станицахъ, уходили далѣе въ степь; шли туда бѣдняки бездомные, которымъ приходилось жить въ работникахъ у чужихъ людей; шли тѣ, ко-

торые сдѣлали что-либо нехорошее и боялись за это наказанія; шли вообще люди сильные и смѣлые, которымъ нравилась степная жизнь, хотя и исполненная опасностей, но зато просторная и вольная.

Эти люди также назывались казаками, но только „вольными“, степными. Селились они по берегамъ рыбныхъ рѣкъ, составляли военныя общества съ выборнымъ начальникомъ, или атаманомъ, во главѣ, принимали къ себѣ всякаго, кто бы къ нимъ ни пришелъ и изъ какого бы народа онъ ни происходилъ. Они не отрывались отъ Россіи и признавали надъ собой власть московскихъ государей, но, живя очень далеко въ степи, плохо ихъ слушались.

Любили эти люди и пограбить, или „погулять“, какъ они говорили: грабили чужихъ, татаръ, турокъ, не пропускали и своихъ. Разъѣзжая по Волгѣ и Дону, грабили суда царскія, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ, шедшихъ въ Москву, обирали русскихъ и татарскихъ купцовъ на Дону.

Изловить въ широкихъ степяхъ шайки этихъ „воровскихъ казаковъ“ было очень мудрено. Царь Іоаннъ Грозный не разъ посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ съ ратными людьми, но разбои и грабежи все-таки не переводились.

Особенно извѣстенъ сталъ своими грабежами и разбоями атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ. Это былъ мужчина средняго роста, съ черной окладистой бородой, кудрявыми волосами и съ свѣтлыми проницательными глазами. Силы Ермакъ былъ богатырской, притомъ очень умный и смѣливый. Роду онъ былъ простого. Дѣдъ его Аѳанасій Аленинъ былъ посадскимъ человекомъ города Суздаля и жилъ очень бѣдно. Ища

себѣ пропитанія, Аленинъ вмѣстѣ съ семьею переѣхалъ въ городъ Владиміръ, гдѣ сталъ заниматься извозомъ. Тутъ онъ свелъ знакомство съ разбойниками, жившими тогда въ знаменитыхъ Муромскихъ лѣсахъ, и дѣла его пошли хорошо. Разбойники полюбили его и ввѣрились ему во всемъ. Самъ Аѳанасій въ разбояхъ не участвовалъ, а былъ просто надежнымъ кучеромъ.

Но не долго служилъ Аѳанасій у разбойниковъ: эту шайку скоро поймали и посадили въ тюрьму; въ томъ числѣ былъ и Аленинъ. Однако изъ тюрьмы ему удалось бѣжать и, захвативъ съ собою жену и двоихъ сыновей, Родіона и Тимоѳея, онъ перебрался въ уѣздъ Юрьевца Повольскаго, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Семья Аленина, оставшись безъ кормильца, стала терпѣть нужду и перебивалась, какъ говорится, съ куска на кусокъ. Въ это время они узнали случайно про Строгановскіе поселки, что житье тамъ привольное, заработокъ большой и жить можно хорошо. Подумали-подумали Родіонъ съ Тимоѳеемъ, да и ушли къ Строгановымъ, назвавшись тамъ братьями Повольскими.

Зажили братья на новомъ мѣстѣ хорошо, оба женились и нажили дѣтей. У Родіона родилось два сына: Дмитрій да Лука, а у Тимоѳея три—Гаврила, Фролъ и Василій.

Василій Повольскій былъ особенно боекъ, силенъ и рѣчистъ. Скучно ему показалось жить у Строгановыхъ и нанялся онъ работать на струга, на которыхъ и плавалъ по Волгѣ и Камѣ. Здѣсь онъ былъ въ бурлацкой артели кашеваромъ, и товарищи прозвали его Ермакомъ, потому что „ермакомъ“ у нихъ назы-

вался ихъ артельный таганъ, въ которомъ Василій готовилъ имъ пищу. Такъ за нимъ это прозвище и осталось на всю жизнь.

Работа бурлацкая также скоро наскучила Ермаку, — захотѣлось ему болѣе вольной жизни, и онъ ушелъ къ донскимъ казакамъ, которые въ скоромъ времени выбрали его за его удалъ старшиной Качалинской станицы, чтобы онъ охранялъ рубежъ отъ Астрахани до Дона.

Не сидѣлось только Ермаку и у донскихъ казаковъ: набравъ себѣ шайку молодцовъ на подборъ, онъ ушелъ съ ними на Волгу и сталъ тамъ разбойничать. Точно ураганъ носились казаки по волнамъ кормилицы Волги и вездѣ, гдѣ только они ни появлялись, приносили одинъ ужасъ, смерть и разрушеніе. Никому не давалъ Ермакъ спуска, и его „сарынь на кичку“ заставляло трепетать все. Это былъ условный крикъ разбойниковъ торговымъ судамъ, которыя они встрѣчали, и обозначало то, чтобы всѣ люди, находящіеся на суднѣ, при приближеніи ихъ ложились на палубу и не сопротивлялись.

Главными помощниками въ дѣлѣ грабежей и разбоевъ у Ермака Тимоѣевича были Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Все это были молодцы, какъ говорится, прошедшіе огонь и воду и не знавшіе никакого страха, да и всѣ, кто только былъ у Ермака, были такими же.

Прослышавъ про дѣла Ермака, Іоаннъ Грозный приговаривалъ его вмѣстѣ съ остальными товарищами къ смертной казни и высылалъ для поимки ихъ сильную рать.

Увидѣлъ тогда Ермакъ, что дѣло его плохо: не

совладать ему съ царскимъ войскомъ, и, забравъ всю свою шайку въ числѣ 540 человекъ, поплылъ вверхъ по Волгѣ, въ родныя мѣста Великой Перми, къ купцамъ Строгановымъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и гдѣ было теперь много его родичей.

Когда Строгановы узнали, что къ нимъ ѣдутъ удалыцы-казаки, то очень этому обрадовались и выслали къ нимъ навстрѣчу своихъ выборныхъ людей, которые отъ ихъ имени поднесли имъ разные подарки и стали просить ихъ поступить къ нимъ „охраннымъ“ войскомъ и защищать отъ набѣговъ хищныхъ татаръ.

Послѣ подобнаго приглашенія казакамъ стало смѣлѣе ѣхать къ Строгановымъ. Сначала они боялись, что тѣ, пожалуй, не позволятъ, въ виду ихъ опальности, жить имъ въ ихъ владѣніяхъ, но теперь сомнѣнія ихъ разсѣялись, и они съ звонкими пѣснями помчались на призывъ богатыхъ и именитыхъ купцовъ.

Явившись къ Строгановымъ, Ермакъ Тимофеевичъ со всей своей ватагой поселился у нихъ и сталъ защищать ихъ отъ всѣхъ набѣговъ татаръ и инородцевъ. Теперь на душѣ Строгановыхъ было гораздо спокойнѣе, и они уже перестали бояться зауральскихъ грабителей. Еще съ большей энергіей принялись они за устройство своихъ владѣній, и дѣла ихъ съ каждымъ днемъ улучшались.

Плотно утвердившись по эту сторону Урала, предприимчивые и дѣятельные Строгановы стали теперь подумывать, какъ бы имъ начать „переходъ“ и за Уральскія горы, за которыми ихъ ожидали бѣльшія выгоды. Имѣя у себя жалованныя грамоты на право перехода и пріисканія новыхъ земель въ Сибири, они

начали подбивать Ермака на походъ противъ царскаго „измѣнщика“ Кучума.

Живя у Строгановыхъ почти два года и скучая отъ бездѣйствія, Ермакъ на это скоро согласился и сталъ готовиться къ походу. Къ имѣющимъ у него казакамъ онъ набралъ еще охотниковъ, и у него подъ командой получилась довольно-таки большая рать въ 840 человекъ. Строгановы назначили имъ всѣмъ хорошее жалованье, снабдили съѣстными припасами, одеждою, оружіемъ, пушками, дали вожатыхъ, знающихъ сибирскій путь, толмачей и, наконецъ, священниковъ, для совершенія разныхъ христіанскихъ требъ. Кромѣ того Строгановы обѣщались хлопотать передъ Іоанномъ Грознымъ о снятіи съ казаковъ смертнаго приговора.

Казаки были въ восторгѣ. Тамъ, за Уральскими горами, ихъ, кромѣ обѣщанныхъ царскихъ милостей, ожидали снова ратные подвиги и богатая нажива. Собралъ Ермакъ Тимофеевичъ передъ походомъ всѣхъ своихъ молодцовъ и раздѣлилъ ихъ на пять отрядовъ: сто человекъ далъ Ивану Кольцо, сто Якову Михайлову, по сотнѣ Никитѣ Пану и Матвѣю Мещеряку, а во главѣ остальныхъ всталъ самъ.

Когда все было готово, Ермакъ отслужилъ напутственный молебенъ, простился со Строгановыми и родичами и 1 сентября 1581 года двинулся со своимъ отрядомъ въ походъ въ далекое Сибирское царство, давъ Строгановымъ обѣщаніе дойти до самой Кучумовой столицы и, наказавъ его за измѣну русскому царю, сдѣлать постояннымъ и исправнымъ данникомъ.

III.

Походъ свой Ермакъ Тимофеевичъ началъ по рѣкѣ Чусовой, служившей притокомъ рѣки Камы. Четыре дня плыли казаки на стругахъ и челнахъ вверхъ по этой рѣкѣ до устья рѣки Серебрянки. Берега Чусовой были крутые, а сама она быстрая и каменистая. Казаки уставали, такъ какъ плыли противъ теченія, и принуждены были часто останавливаться на отдыхъ.

Когда они, наконецъ, добрались до верховья Чусовой, то здѣсь мѣстами стало такъ мелко, что вода уже не подымала струговъ. Тогда Ермакъ пустился на хитрости: онъ приказалъ снять съ судовъ всѣ паруса и запрудить ими рѣку, растянувъ ихъ поперекъ ея и устроивъ, такимъ образомъ, какъ бы шлюзы или плотину. Хитрость Ермака удалась: вода въ рѣкѣ стала выше, и всѣ струга, одинъ за другимъ, прошли черезъ мель.

Изъ рѣки Чусовой казаки въѣхали въ рѣку Серебрянку, по которой плыли два дня и подъ конецъ принуждены были остановиться, такъ какъ дальше плыть за мелководьемъ было невозможно. Тутъ Ермакъ узналъ, что недалеко отъ Серебрянки, за проходами Уральскихъ горъ, протекаетъ другая рѣка Жаровля, и рѣшилъ перебраться туда, но казаки въ это время были страшно измучены, и поэтому онъ приказалъ остановиться на отдыхъ.

Послѣ этого Ермакъ всѣмъ объявилъ, что челны и струги нужно вытаскивать на берегъ и тащить ихъ волокомъ черезъ проходы между горами къ рѣкѣ Жаровлѣ, а такъ какъ тамъ не извѣстно, что можетъ

встрѣтиться, можетъ, и отступить придется, то приказалъ тутъ же на берегу Серебрянки строить „городъ“, т. е. земляное укрѣпленіе или кольцообразный валъ съ деревяннымъ на немъ заборомъ, въ которомъ можно бы было въ случаѣ бѣды укрыться.

Дружно закипѣла въ сильныхъ рукахъ казаковъ тяжелая работа: городъ былъ скоро построенъ и названъ Кокуемъ-городомъ, челны и струги изъ рѣки вытащены на берегъ и ихъ медленно поволокли, подкладывая подъ дно дубовые катки, къ рѣкѣ Жаровлѣ. Трудная была работа при перетаскиваніи струговъ. Иногда на дорогѣ попадались холмы и даже небольшія горы, черезъ которыя переволакивать струги и челны было очень тяжело, но казаки ни на что не жаловались и не роптали, такъ какъ всѣ свой походъ считали дѣломъ общимъ и всѣмъ хотѣлось поскорѣе добраться до Сибирскаго царства.

Перетаскивъ всѣ челны и струги въ рѣку Жаровлю, казаки поплыли по ней въ рѣку Тагиль, а потомъ достигли мало-по-малу и рѣки Туры. Здѣсь начиналось Сибирское царство.

До сихъ поръ казакамъ приходились бороться лишь съ трудностями пути, быстротою горныхъ рѣкъ, ихъ мелководьемъ и другими препятствіями; людей они встрѣчали мало; земля, по которой проходили казаки, была дикая, почти совсѣмъ безлюдная; если и встрѣчались изрѣдка люди, то, поглядѣвъ только на казаковъ издали, уходили прочь.

По рѣкѣ Турѣ пошло люднѣе: здѣсь народъ былъ уже не кочевой, а осѣдлый, пахотный. Тутъ казаки впервые встрѣтили городокъ, гдѣ властвовалъ татарскій князекъ Епанча, подручникъ Кучума, и пришлось

уже пустить въ дѣло оружіе, потому что съ берега стали стрѣлять по казакамъ изъ луковъ. Казаки дали залпъ изъ ружей. Нѣсколько татаръ упало, а остальные въ ужасѣ разбѣжались въ разныя стороны: никогда еще они не видѣли огнестрѣльнаго оружія. Этотъ городокъ Епанчи казаки весь разграбили, а затѣмъ сожгли.

На рѣкѣ Тавдѣ казаки схватили нѣсколько татаръ, и въ томъ числѣ одного изъ жившихъ при Кучумѣ, именемъ Таузака, который разсказалъ Ермаку подробно о своемъ царѣ и его приближенныхъ.

„Кучумъ,—разсказывалъ онъ,—живетъ въ городѣ Сибири, а городъ этотъ стоитъ на рѣкѣ Иртышѣ. Самъ Кучумъ теперь слѣпъ, однако все еще онъ сильный царь и всѣхъ держитъ въ страхѣ; подъ его владычествомъ много князьковъ, и всѣ ему дань платятъ. Есть у него и храбрые воины, особливо родственникъ его Махметкулъ; это такой богатырь, какого и не сыщешь на всей землѣ. Кучума царя многіе не любятъ за то, что онъ сталъ насильно вводить Магометову вѣру. Есть у него и войско и снаряды всякіе, а только нѣтъ у него такихъ луковъ, какъ ваши. А были бы у него такіе луки, онъ бы всѣ земли покорилъ. Сибирь-городъ съ бухарцами торгуетъ: пріѣзжаютъ они къ намъ изъ своей земли съ разными товарами и берутъ у насъ мѣха. А итти къ Сибири вамъ теперь Тавдою-рѣкою, а Тавда въ Тоболъ-рѣку вошла; стало-быть, пойдете вы Тоболомъ, а изъ Тобола прямо въ Иртышъ,—тутъ скоро и Сибирь будетъ“.

Ермакъ отпустилъ Таузака и велѣлъ ему итти прямо къ Кучуму, которому сказать, что въ его царство пришли казаки, да не съ луками и стрѣлами,

а съ такими самопалами, что могутъ даже кольчугу желѣзную изрѣшетить.

Таузакъ ушелъ и, когда пришелъ къ Кучуму, то упалъ ему въ ноги и началъ рассказывать.

„Быль,—говорить,—я въ плѣну у казаковъ. Идутъ они на тебя войною и люди эти очень сильны: когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается; стрѣлъ не видать, а ранять и убиваютъ до смерти; защищаться отъ нихъ никакими ратными сбруями нельзя,—все насквозь пробиваютъ...“

На ружье, конечно, болѣе всего и надѣялась горсть русскихъ храбрецовъ, задумавшая завоевать цѣлое царство и покорить десятки тысячъ людей!

На рѣкѣ Тоболѣ татары попытались было остановить Ермака съ его отважной дружиной, протянувъ поперекъ рѣки желѣзные цѣпи. Тогда умный и изворотливый Ермакъ прибѣгнувъ къ слѣдующей хитрости. Онъ велѣлъ навязать изъ хвороста пуковъ, натянуть на эти пуки излишніе казацкіе кафтаны и всѣ эти пуки размѣстить въ лодкахъ, а самъ со всѣми людьми вышелъ на берегъ и напалъ на татаръ съ тыла.

Увидѣли татары, что дѣло ихъ плохо: и въ лодкахъ и на берегу все казаки, и, не выдержавъ, бросились бѣжать, а Ермакъ, приказавъ снять цѣпи, поплылъ дальше, грабя и разбивая все, что только встрѣчалось на пути.

Плывя внизъ по Тоболу, казакамъ не разъ приходилось сталкиваться съ татарами и разгонять ихъ выстрѣлами изъ своихъ самопаловъ, но послѣдніе съ каждымъ днемъ все становились назойливѣе и смѣлѣе.

Кучумъ, хотя и былъ напуганъ разными разсказами о силѣ и непобѣдимости „шайтановыхъ“ казаковъ, тѣмъ не менѣе не былъ намѣренъ отдавать своего царства безъ боя. Собралъ онъ къ себѣ на совѣтъ всѣхъ своихъ князей и знатныхъ воиновъ и велѣлъ всѣмъ имъ со своими ратями собираться на войну съ казаками.

Когда войска были собраны, Кучумъ выступилъ въ походъ и расположился станомъ на берегу Иртыша, близъ устья Тобола, подъ горою Чувашьей. Здѣсь онъ началъ возводить разныя укрѣпленія и устраивать засѣки, а родственника своего Махметкула съ десяти-тысячнымъ войскомъ послалъ впередъ навстрѣчу ка-закамъ.

Махметкулъ встрѣтилъ казаковъ на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ, и здѣсь завязалась кровопролитная битва, продолжавшаяся цѣлыхъ пять дней.

Увидѣвъ множество татаръ, которые какъ саранча усѣяли весь берегъ, казаки сначала было дрогнули и смѣшались, но Ермакъ бросился впередъ и ободрилъ ихъ. Казаки снова ринулись на татаръ и, стрѣляя въ ихъ густыя толпы изъ своихъ самопаловъ и пушекъ, производили страшное опустошеніе. Кровь лилась ручьями. Точно разъяренные звѣри кидались татары на русскихъ удалцовъ и, встрѣчаемые дружными залпами, гибли сотнями. Наконецъ, видя, что казаки могутъ перебить ихъ всѣхъ, татары не выдержали и обратились въ бѣгство, оставивъ въ добычу казакамъ весь свой обозъ и множество оружія.

Послѣ этой битвы Ермакъ съ своими удалцами, похоронивъ убитыхъ товарищей и отдохнувъ, отправился дальше. Недалеко отъ Иртыша казаки встрѣтили

небольшой татарскій городокъ, въ которомъ жилъ одинъ изъ Кучумовыхъ вельможъ. Послѣдній вздумалъ-было сопротивляться и не пускать къ себѣ казаковъ. Ермака это озлобило. Выйдя съ своими людьми на берегъ, онъ взялъ этотъ городъ приступомъ и весь его разорилъ и разграбилъ.

Подъѣзжая къ Иртышу, казаки снова встрѣтили татаръ, и ихъ было такъ много, что отъ выпускаемыхъ ими стрѣлъ не было проѣзда. Стрѣлы эти причиняли казакамъ не мало вреда, а потому Ермакъ, приказавъ причалить къ берегу, кинулся на татаръ и разбилъ ихъ на-голову, но и казакамъ досталось порядочно: у нихъ оказалось нѣсколько убитыхъ, а оставшіеся въ живыхъ всѣ до одного были переранены. Положеніе казаковъ становилось опаснымъ. Татары, узнавъ, что ихъ мало, стали налегать на нихъ всѣми силами. Но казаки были уже недалеко отъ Кучумовой столицы. Скоро должна была рѣшиться участь ихъ похода, и они смѣло двигались впередъ...

IV.

До города Сибири оставалось недалеко. Узнавъ о томъ, что Махметкуль послѣ его пораженія соединился съ Кучумомъ и теперь вмѣстѣ дожидаются казаковъ подъ Чувашьей горою, Ермакъ приказалъ своимъ молодцамъ быть какъ можно осторожнѣй и каждую минуту ожидать или засады или же нападенія озлобившихся татаръ.

Наступила темная и холодная осенняя ночь. По небу медленно, точно крадучись, ползли молчаливыя

тучи и изъ нихъ такъ же медленно, будто нехотя, моросилъ мелкій и холодный осенній дождикъ. Тихо и осторожно подвигались казаки противъ теченія по быстрому и широкому Иртышу, а сами зорко посматривали по сторонамъ и прислушивались къ малѣйшему подозрительному шороху.

Наконецъ, Ермакъ приказалъ остановиться. Невдалекѣ отъ казаковъ показался небольшой татарскій городокъ Атикъ-Мурзы, за которымъ совсѣмъ близко была и Чувашья гора. Посовѣтовавшись со своими удальцами, Ермакъ подошелъ къ этому городу, взялъ его съ бою и, окопавшись со всѣхъ сторонъ, рѣшилъ дать всей дружинѣ отдыхъ.

Не спалось казакамъ въ эту темную и ненастную осеннюю ночь. Изъ занятаго ими города было ясно видно, какъ подъ Чувашьей горою горѣли костры и копошились темныя фигуры татаръ, которые тоже не спали и готовились къ предстоящему бою. Изъ стана ихъ, не смолкая ни на минуту, неслись громкіе крики, шумъ, скрипъ арбъ, и все это, сливаясь въ одинъ общій непрерывный гулъ, далеко разносилось по окрестности.

Слушая все это, казаки призадумались; сердца ихъ щемила тревога. Они хорошо знали, что татары будутъ драться отчаянно, а ихъ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ удальцовъ,—на каждого казака приходилось почти по двадцать татаръ, бодрыхъ и свѣжихъ, не утомленныхъ боями и долгимъ тяжелымъ переходомъ.

Собрались казаки, какъ у нихъ это всегда водилось, въ кругъ и во главѣ съ Ермакомъ стали обсуждать, что имъ дѣлать: итти ли впередъ на татаръ,

или же повернуть назадъ! Одни кричали, что надо повернуть назадъ и уходить по добру, по здорову домой. Разнаго добра у нихъ уже набралось вдоволь и что итти на татаръ—значить, лѣзть на вѣрную смерть; отъ труднаго похода и частыхъ боевъ у нихъ и пятисотъ человѣкъ нѣтъ, а у Кучума многія тысячи. Другіе же, которые были посмѣлѣе и во главѣ которыхъ находился самъ Ермакъ, рассуждали иначе и совѣтовали обязательно итти на татаръ.

Видя, что казаки раздѣлились на двѣ разныя партіи, Ермакъ всталъ посрединѣ ихъ и обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью.

— Братцы-товарищи, — заговорилъ онъ, — шли мы сюда не затѣмъ, чтобы съ этого урочища назадъ итти. Много тяготы и горя вынесли мы въ нашемъ дальнемъ и трудномъ походѣ, но все это позади насъ осталось... все преодолѣли, не побоимся же и теперь... Да и куда намъ бѣжать? Время уже осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается; не побѣжимъ, братцы-товарищи, не примемъ худой славы и не положимъ на себя укоризны, но будемъ надѣяться на Бога, — Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, данное нами честнымъ людямъ Строгановымъ! Назадъ не казацкое дѣло возвращаться! Что скажутъ тогда про насъ на родинѣ? Скажутъ: „какъ были они разбойниками, такъ такими и остались; куда ихъ ни пусти, они пограбятъ, да уйдутъ, а сдѣлать что-нибудь хорошее не сдѣлаютъ...“ Нѣтъ, братцы-товарищи, начатое дѣло никогда не слѣдуетъ оставлять недоконченнымъ... По-моему итти на татаръ!..

Когда Ермакъ кончилъ, то всѣ казаки стояли долго молча и потупясь. Видно было, что слова атамана

глубоко проникли въ ихъ души и въ нихъ теперь происходила борьба. Ермакъ ждалъ. Глаза его горѣли, а грудь вздымалась высоко и порывисто.

Подумали, подумали казаки, покричали немного между собою и порѣшили остаться. Это было на пятьдесятъ третій день послѣ выхода ихъ изъ Руси.

На разсвѣтъ 23 октября, когда послѣ дождливой ночи на востокъ показалось ясное утреннее солнце, казаки, усердно помолившись Богу, двинулись къ Чувашей горѣ, на засѣку Кучума. Пушки и ружья сослужили имъ теперь хорошую службу. Татары изъ своей ограды пускали тучи стрѣлъ, но послѣднія причиняли мало вреда, а казаки, стрѣляя изъ своихъ пушекъ, пицалей и ружей, убивали татаръ сотнями.

Видя, что стрѣлы не помогаютъ, татары, наконецъ, сами проломили свою засѣку въ трехъ мѣстахъ и ударили на казаковъ. Начался страшный и кровопролитный рукопашный бой. Тутъ ужъ пушки съ ружьями не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками и душить другъ друга за горло. „Съ нами Богъ!“ кричали казаки подъ натискомъ громаднхъ полчищъ враговъ. „Аллахъ иль Аллахъ“, отвѣчали татары, и отъ криковъ этихъ дрожало все, и воздухъ, и земля.

Бой съ каждой минутой разгорался все сильнѣе. Солнце уже высоко поднялось на небѣ и стояло почти на полдняхъ, а стоны и крики сражающихся все еще не умолкали. Наконецъ, казаки начали одолѣвать. Видя это, татары бросились-было назадъ въ засѣку, но туда же вломились и казаки.

Ермакъ и Иванъ Кольцо были впереди всѣхъ. Съ ужасающей силой опускались на головы татаръ ихъ

широкіе и тяжелые мечи и ничто не могло противустоять ихъ сокрушительной силѣ.

Въ это время казаки ранили Махметкула, главнаго татарскаго героя и опору Кучума. Татары увезли его на другой берегъ Иртыша и затѣмъ, смѣшавшись, бросились бѣжать во всѣ стороны.

Старый Кучумъ, стоявшій до того времени на горѣ и молившійся со своими муллами Аллаху о дарованіи побѣды надъ русскими, услыхавъ, что любимецъ его Махметкулъ раненъ, войско все побито и что всѣ его оставили, разорвалъ на себѣ одежду и горько заплакалъ. Оставивъ затѣмъ гору, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми приближенными къ себѣ князьями и вельможами поспѣшно пришелъ въ свой городъ Сибирь, забралъ здѣсь, сколько могъ, пожитковъ и бѣжалъ дальше въ Ишимскія степи.

Утомившіеся отъ боя казаки не гнались уже за обратившимися въ бѣгство татарами, а, вернувшись въ свой взятый ими передъ этимъ городокъ, расположились на отдыхъ, предварительно выставивъ повсюду часовыхъ и сторожей, дабы въ случаѣ вторичнаго появленія татаръ своевременно узнать объ этомъ и приготовиться къ новому бою.

Трое сутокъ отдыхали русскіе удалыцы послѣ своей славной побѣды, которая и имъ обошлась не дешево: много казаковъ было убито. Ермакъ не досчитался ста семи человекъ. Зато это была самая важная побѣда, послѣ которой вся сибирская земля, начиная отъ Уральскихъ горъ до рѣки Оби и Тобола, отошла къ русскимъ владѣніямъ.

Похоронивъ съ честью своихъ убитыхъ товарищей,

казаки 26 октября тронулись къ городу Сибири и черезъ три дня были у него.

Не велика и не красива была столица Кучума. Расположенная на крутомъ и высокомъ берегу Иртыша и защищенная съ одной стороны обрывистымъ берегомъ, а съ другой глубокимъ рвомъ и тройнымъ землянымъ валомъ, она походила скорѣе на обыкновенное торговое село, чѣмъ на мѣсто пребыванія могучаго сибирскаго царя.

Городскія постройки въ ней были большею частью деревянные, а вмѣсто каменныхъ стояли небольшія, низенькія мазанки, съ дерновой крышей и съ крохотными отверстіями вмѣсто оконъ.

Не доходя немного до Сибири, казаки остановились, и Ермакъ рѣшилъ послать туда сначала нѣсколько человѣкъ развѣдчиковъ, такъ какъ опасался, что въ городѣ находятся враждебные имъ татары, и поэтому легко попасть въ засаду.

Посланные Ермакомъ казаки, войдя со всевозможными предосторожностями въ городъ, къ немалому своему удивленію не встрѣтили въ немъ ни одной человеческой души. Не было не только вооруженныхъ татаръ, но даже и мирныхъ жителей. Улицы были пустыны, двери въ домахъ большею частью находились открытыми и находящееся въ нихъ имущество брошено на произволъ судьбы.

Походили, походили посланные Ермакомъ казаки по опустѣвшей Кучумовой столицѣ и, не встрѣтивъ никого, возвратились къ своимъ.

— Никого тамъ нѣтъ, — сказали они Ермаку, — жители всѣ куда-то разбѣжались, а имущество свое все побросали. Всѣ закоулки мы излазили, во всѣхъ по-

гребяхъ побывали и кромѣ старой, готовой околѣть собаки не встрѣтили ни одной живой души,—всѣ точно сквозь землю провалились!..

Выслушавъ это, Ермакъ приказалъ всѣмъ вступить въ городъ и занять его.

Съ громкими пѣснями двинулись казаки къ Кучумовой столицѣ и, войдя въ нее, нашли тамъ многое множество разнаго богатства. Тутъ было и золото, и серебро, и ткани, и разные дорогіе мѣха, но только не было никакой провизіи. Это татары увезли все съ собою и не оставили казакамъ ни одной крошки.

Собрали казаки все найденное ими въ городѣ богатство въ одно мѣсто и безъ долгихъ разговоровъ побратски подѣлили между собою.

V.

Осмотрѣвъ Сибирь, Ермакъ приказалъ казакамъ втащить на городской валъ свои мелкія пушки; установить вездѣ порядокъ и, разставивъ повсюду часовыхъ, сталъ ожидать, что будетъ дальше. Его не мало беспокоило то обстоятельство, что въ городѣ не было никакой провизіи и онъ опасался за своихъ молодцовъ, которымъ въ такомъ случаѣ грозилъ неминуемый голодъ, такъ какъ своихъ припасовъ у нихъ было очень мало.

Такъ прошло три дня. Наконецъ, на четвертый день пришелъ къ Ермаку одинъ изъ остяцкихъ князей съ дружиною и принесъ съ собою много даровъ и разныхъ запасовъ.

— Я былъ въ бою подь Чувашьей горю,—сказалъ

этотъ князь Ермаку,—и видѣлъ, что тебя побѣдить нельзя; ты очень храбръ и силенъ, а твои казаки сразу могутъ убить нѣсколько сотъ человѣкъ... я все это видѣлъ и вотъ, посовѣтовавшись съ своимъ народомъ, пришелъ къ тебѣ съ покорной и принесъ подарки. Будь нашимъ заступникомъ, а мы будемъ твоими подданными и вѣрными слугами...

Ермакъ съ казаками обрадовался. Онъ ласково обошелся съ остяцкимъ княземъ и его дружиною и, отпуская ихъ, сказалъ:

— Ступайте, живите на прежнихъ мѣстахъ въ своихъ юртахъ и не бойтесь: обидѣть васъ никто не посмѣетъ. Обидчиковъ я буду наказывать строго.

За остяками къ Ермаку мало-по-малу стали приходять и татары, которые жили по берегамъ Иртыша и Тобола. Приходили они со всѣми своими семьями и приносили казакамъ разные подарки.

Ермакъ съ приходившими къ нему татарами обходился ласково, приводилъ ихъ всѣхъ къ присягѣ о покорности русскому государю, обкладывалъ небольшой данью и затѣмъ безо всякой обиды и притѣсненія отпускалъ по домамъ, обѣщаясь заботиться о нихъ и защищать отъ всевозможныхъ нападеній враждебныхъ племенъ.

Казакамъ Ермакъ строго приказалъ не обижать покорившихся имъ туземцевъ и за малѣйшее отступленіе отъ этого приказа каралъ безъ милости. Подобныхъ ослушниковъ и другихъ ведущихъ себя непристойно онъ приказалъ зашивать въ мѣшокъ, наполненный до половины пескомъ, и бросать въ рѣку.

За маловажные проступки Ермакъ придумалъ особое наказаніе: виновному въ такомъ случаѣ казаку

онъ приказывалъ насыпать въ карманы и другія части платья сухого песку и затѣмъ посадить его на нѣсколько часовъ по горло въ воду.

Это наказаніе было тяжело тѣмъ, что песокъ, намокнувъ, становился тяжелымъ и начиналъ тянуть ко дну. Сидѣвшій въ водѣ человѣкъ, чтобы не погрузиться въ воду вмѣстѣ съ головою и не захлебнуться, долженъ былъ для этого напрягать всѣ свои силы, отчего члены его начинали нѣмѣть, а спинная кость страшно ломилась.

Вообще Ермакъ не любилъ, чтобы подчиненные ему люди вели себя въ чемъ-нибудь непристойно, и за всякіе проступки, а тѣмъ болѣе непослушаніе, наказывалъ безо всякой пощады и снисхожденія.

Пользуясь наступившей тишиною и увѣрившись, что теперь имъ бояться нечего, что подвиги ихъ надолго упрочили въ этихъ мѣстахъ миръ и спокойствіе, казаки сдѣлались довѣрчивѣе и стали выходить изъ города Сибири на разные промыслы. Они ловили рыбу, охотились за пушными звѣрями и очень часто, разбившись на мелкіе отряды, удалялись другъ отъ друга на порядочное разстояніе, будучи вполне увѣрены, что опасности никакой быть не можетъ.

Но опасность еще не миновала. Раненый Махметкуль выздоровѣлъ и въ первыхъ числахъ декабря мѣсяца неожиданно напалъ на русскихъ, ловившихъ рыбу на Абалацкомъ озерѣ. Казаковъ было человѣкъ двадцать, и всѣ они до одного были перебиты.

Услыхавъ про это, Ермакъ страшно обозлился и сейчасъ же пошелъ мстить за убитыхъ товарищей. Настигнувъ татаръ, онъ точно ураганъ налетѣлъ на нихъ съ тыла и бился съ ними до ночи. Ночью та-

тары всё разбѣжались въ разные стороны, а Ермакъ съ своими молодцами возвратился къ себѣ въ Сибирь.

Послѣ этого снова наступило затишье. Казаки жили въ Сибири, какъ у себя дома, и продолжали по-прежнему заниматься охотой и рыбной ловлей. Такъ прошла вся зима.

Весною, по водополью, къ Ермаку пришелъ одинъ татаринъ и сообщилъ, что Махметкуль стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ, верстъ за сто отъ города Сибири, и войска у него очень мало. Ермакъ тотчасъ же отрядилъ шестьдесятъ самыхъ смѣлыхъ казаковъ и послалъ ихъ на Махметкула.

Казаки напали на татаръ врасплохъ, ночью, многихъ изъ нихъ побили, а самого Махметкула взяли въ плѣнъ и привели къ Ермаку.

Ермакъ обрадовался такой добычѣ, принялъ царскаго родственника ласково, долго съ нимъ разговаривалъ, утѣшалъ его и, оставивъ у себя въ Сибири, лично заботился о его довольствіи.

Плѣнъ храбраго Махметкула былъ страшнымъ ударомъ для Кучума, стоявшаго тогда на рѣкѣ Ишимѣ. Но вслѣдъ за этой печальной вѣстью пришла и другая дурная вѣсть: старому хану дали знать, что на него идетъ войною князь Сейдакъ, сынъ убитаго имъ прежде князя Бекбулата, чтобы отмстить за смерть своего отца, а тутъ еще измѣнилъ одинъ изъ приближенныхъ воеводъ именемъ Карача.

Горько заплакалъ старикъ Кучумъ, говоря: „кого Богъ не помилуетъ, тому и честь на безчестье приходится, того и любимые друзья оставляютъ...“

Все это Ермаку было на руку. Дождавшись лѣта, онъ отправился съ частью казаковъ по рѣкамъ Иртышу и

Оби и началъ завоевывать нѣкоторые остяцкихъ князьковъ, которые еще имъ не были покорены.

Плывя по Иртышу, казаки встрѣтили большую остяцкую крѣпость Назымъ, которая находилась при устьѣ рѣки Назыма. Въ этой крѣпости былъ остяцкій князь Демьянъ, у котораго ратныхъ людей насчитывалось человѣкъ около 2000. На предложеніе Ермака сдаться, князь остяцкій отвѣтилъ, что, пока у него есть воины, онъ будетъ сражаться, а безъ боя крѣпости ни за что не отдастъ.

Началась осада. Казаки стрѣляли въ крѣпость изъ своихъ пушекъ и ружей, но сдѣлать ничего не могли. Остяки защищались отчаянно. Тутъ Ермаку донесли, что въ крѣпости находится золотой идолъ, привезенный сюда изъ старой Руси, когда еще предки наши были идолопоклонниками, котораго остяки держатъ въ большой чашѣ и для храбрости пьютъ изъ нее воду.

Ермакъ пустился на хитрость. Призвавъ къ себѣ одного чуваша, онъ обѣщалъ ему хорошую награду и просилъ его украсть у остяковъ ихъ идола. Чувашъ согласился. Взявъ съ собою въ помощь своего сына, онъ ночью пробрался къ остякамъ и, выбравъ удобную минуту, похитилъ у нихъ идола.

Остяки переполошились. „Плохи наши дѣла,—говорили они въ испугѣ,—богъ нашъ оставилъ насъ и перешелъ къ Ермаку; значить, онъ не хочетъ, чтобы мы сопротивлялись казакамъ!“

Вышли они послѣ этого на крѣпостные валы и послали сказать Ермаку, что больше противиться не будутъ. Ермаку только этого было и нужно. Приказавъ своимъ казакамъ никого не трогать и не обижать,

онъ вошелъ въ сдавшуюся ему крѣпость и установилъ тамъ свои порядки, обложивъ остяковъ данью.

Въ первой схваткѣ при взятіи этой крѣпости у казаковъ было убито нѣсколько человекъ, а въ томъ числѣ и одинъ изъ помощниковъ Ермака, атаманъ Никита Панъ, о которомъ казаки очень жалѣли.

Отдохнувъ немного въ Назымѣ, Ермакъ съ казаками отправились дальше. На рѣкѣ Иртышѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ его тѣснятъ очень высокіе берега, на нашихъ смѣльчаковъ напали вооруженные люди, состоявшіе изъ разныхъ инородческихъ племенъ, но убѣжали при первомъ же выстрѣлѣ.

Теперь у Ермака оставался еще самый сильный изъ остяцкихъ князей, именемъ Самаръ, который, слышавъ про казаковъ, соединился съ другими восемью князьками и рѣшилъ дать неожиданнымъ и непрошенымъ гостямъ отпоръ. Но казаки тоже не дремали и, узнавъ про намѣренія Самара, идущаго противъ нихъ съ огромнымъ войскомъ, задумали устроить ему неожиданный сюрпризъ. Разузнавъ хорошенько о мѣстѣ расположенія враждебныхъ остяковъ, они ночью осторожно приблизились къ ихъ становищу и утромъ, чуть свѣтъ, напали на нихъ, на сонныхъ. Остяки переполошились и смѣшались, а когда увидѣли, какъ одинъ изъ казаковъ убилъ наповалъ изъ ружья ихъ главнаго предводителя Самара, то разбѣжались въ разные стороны и прислали сказать, что признаютъ себя русскими данниками.

Такъ Ермакъ дошелъ до рѣки Оби, захватилъ еще нѣсколько небольшихъ крѣпостей, построенныхъ по ея берегу остяками, и дальше итти не захотѣлъ. Дорогу перегораживала большая сибирская рѣка, шириною

версты въ три-четыре, по обѣимъ сторонамъ которой виднѣлись пустынные, закрытые снѣгомъ, берега. Ни кустика нигдѣ, ни дерева не было видно; Обѣ текла на сѣверъ, къ непріютному морю, покрытому чуть не цѣлый годъ льдомъ.

Ермакъ поѣхалъ обратно въ Сибирь, къ оставленнымъ тамъ казакамъ. Ъхалъ онъ съ музыкой. Всѣ его люди были одѣты въ дорогія, блестящія платья. Къ Ермаку всѣ относились съ уваженіемъ, какъ къ человѣку недюжинному. Покоренные жители встрѣчали побѣдителей съ почестями.

VI.

Возвратившись изъ похода въ Сибирь, Ермакъ увидѣлъ, что ему нужна подмога, такъ какъ людей у него осталось мало: пришелъ онъ въ Сибирскую землю съ 840, а теперь у него оставалось всего 300 человекъ. Съ такой ничтожной силой нельзя было держаться въ далекомъ краю противъ многотысячныхъ враговъ.

Призадумался Ермакъ Тимофеевичъ. На татаръ да остяковъ, которые присягали въ вѣрности, онъ не особенно полагался. Воротись Кучумъ, и они сейчасъ же пристанутъ къ нему. Собралъ Ермакъ всѣхъ своихъ молодцовъ на совѣтъ и вмѣстѣ съ ними порѣшилъ послать вѣсть сначала купцамъ Строгановымъ, а потомъ и царю Іоанну Васильевичу Грозному.

Строгановымъ казаки написали такъ: „Кучума, сибирскаго салтана, одолѣли, стольный городъ его взяли, и родственника его Махметкула полонили, но и насъ

теперь осталось мало; всего триста человекъ, да и снарядовъ у насъ тоже почти ничего нѣтъ. Не знаемъ, какъ быть“.

Послѣ этого приступлено было къ составленію грамоты самому московскому государю. Дѣло это было для нихъ не особенно легкимъ: написать царю, да еще тогда, когда послѣдній всѣхъ ихъ приговорилъ къ смертной казни за ихъ противозаконныя дѣйствія на Волгѣ, было мудрено. Да и особенно грамотныхъ людей у казаковъ не было. Долго возились они съ этой грамотой. Ермака даже въ потъ ударило. „Лучше бы, — говорить, — вторую Сибирь завоевать, чѣмъ эту грамоту писать...“

Наконецъ, грамота была все-таки написана и въ ней говорилось такъ: „Царь Государь Іоаннъ Васильевичъ! Бьетъ тебѣ челомъ опальный казакъ твой Ермакъ Тимофеевичъ съ товарищами. Побѣдили мы государя сибирскаго, царя Кучума, и родственника его, царевича Махметкула, и все Сибирское царство съ главнымъ городомъ Сибирью и другими городами и крѣпостями подъ твою державу полонили. Слезно молимъ тебя, отецъ нашъ, государь милостивый, вины наши старыя намъ прости, царство сибирское отъ насъ прими, да и поповъ твоихъ, что съ нами есть, помилуй“.

Написавъ обѣ грамоты, Ермакъ послалъ ихъ со своимъ любимцемъ Иваномъ Кольцо, который былъ и умнѣе и рѣчистѣе всѣхъ остальныхъ атамановъ, и сталъ ожидать, что изъ этого будетъ.

Въ большой Кремлевской палатѣ, окруженный всѣмъ блескомъ царскаго величія, Іоаннъ Васильевичъ Грозный сидѣлъ на престолѣ въ Мономаховой шапкѣ и въ золотой одеждѣ, которая вся была украшена обра-

зами и дорогими каменьями. По правую руку его стоялъ царевичъ Теодоръ, а по лѣвую—Борисъ Годуновъ.

Вокругъ престола и возлѣ дверей были размѣщены царскіе тѣлохранители, или „рынды“, какъ ихъ тогда называли, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, шитыхъ серебромъ, и съ узорчатыми топорами на плечахъ. Вся палата была наполнена князьями и боярами.

Раздался звукъ трубъ, звонъ колоколовъ и въ царскую палату медленно вошли, предшествуемые двумя стольниками, посланные Ермака. Позади нихъ несли дорогіе мѣха, разныя странныя утвари и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія.

Во главѣ этого посольства шель человѣкъ лѣтъ подѣ 50, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми, пронизательными глазами и съ черной, густой, но короткою бородою, подернутою легкой просѣдью. Это былъ Иванъ Кольцо.

— Великій государь!—сказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола, —казацкій твой атаманъ, Ермакъ Тимофеевъ, вмѣстѣ со всѣми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостію на смерть, старались заслужить свои вины и бьютъ тебѣ челомъ—новымъ царствомъ. Прибавь, великій государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ Казанскому и Астраханскому еще и это, Сибирское, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру!

Съ этими словами Иванъ Кольцо вмѣстѣ съ товарищами своими опустился на колѣни и преклонилъ до земли голову.

— Встаньте, добрые и вѣрные слуги мои!—сказалъ Іоаннъ Васильевичъ.—Кто старое помянетъ, тому глазъ

вонъ, и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость! Встаньте, добрые и вѣрные слуги мои!..

Вставъ съ земли, Иванъ Кольцо подалъ царю Ермакову грамоту о покореніи Сибири.

Эта грамота сильно обрадовала Іоанна Васильевича. Онъ простилъ казакамъ всѣ ихъ прежнія вины, обласкалъ Ермаковыхъ посланныхъ и велѣлъ по всѣмъ церквамъ служить молебны и звонить во всѣ московскіе колокола.

Давно не бывало въ унылой и запуганной Грознымъ Москвѣ такого шума и радости. Молва, что милость Божья къ Россіи не оскудѣла, что Богъ послалъ ей новое, обширное царство, быстро проникла въ народъ, и онъ толпился въ церквахъ, на площадяхъ, на улицахъ, и лица у всѣхъ были веселыя и радостныя. Вездѣ шли толки про храброго и отважнаго Ермака и его казаковъ, при чемъ на ряду съ правдою рассказывалось много и такихъ чудесъ, какихъ на самомъ дѣлѣ и не бывало.

Покореніе Сибири малымъ числомъ казаковъ было, конечно, дѣломъ необыкновеннымъ, выходящимъ изъ ряда вонъ. Поэтому и не мудрено, что, какъ про подвиги русскихъ удалцовъ, такъ и про самую страну за Уральскими горами ходили небывалые рассказы. Такъ, даже въ одной лѣтописи того времени говорится, что недалеко отъ какого-то вогульского городка казаки встрѣтили великана, ростомъ сажени двѣ, который въ своихъ ужасныхъ объятіяхъ давилъ сразу чело-вѣкъ по десяти. Живого, говорится въ этихъ лѣтописяхъ, взять его не могли, такъ пришлось застрѣлить такое чудовище изъ ружей. Между тѣмъ извѣстно,

что вогуличи—народъ малорослый и вдобавокъ очень робкій.

Все это, конечно, было ложью и выдумкой. Русскій простой народъ обыкновенно всегда склоненъ вѣрить всему, что бы ему ни сказали. Правда это или нѣтъ, ему все равно, лишь бы только услышать и передать другимъ. Пройдетъ какой-нибудь слухъ, подхватитъ его народная масса, каждый прибавитъ къ нему что-нибудь свое и загуляетъ по великой Руси небылица. Такія вотъ небылицы въ прежнее время попадали даже и въ лѣтописи.

Но вернемся однако же къ разсказу. Ивана Кольцо и бывшихъ съ нимъ казаковъ царь послѣ всевозможныхъ разспросовъ о Сибирскомъ царствѣ, о ея жителяхъ остякахъ и вогуличахъ и о Кучумѣ пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ: деньгами, сукнами, камками; оставшимся въ Сибири казакамъ онъ такъ же послалъ свое полное большое жалованье, а Ермаку подарилъ богатую шубу съ своего царскаго плеча, серебряный литой кубокъ и два дорогихъ панцыря, съ золотыми царскими орлами на груди и на спинѣ.

Послѣ этого Іоаннъ Грозный написалъ Ермаку милостивую грамоту, въ которой, называя его „сибирскимъ княземъ“, благодарилъ за подарки и хвалилъ за великое и трудное дѣло покоренія обширнаго и богатаго сибирскаго края.

Для принятія отъ Ермака завоеванныхъ имъ сибирскихъ городовъ царь назначилъ своихъ воеводъ: князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ пятью сотнями пѣшихъ и конныхъ стрѣльцовъ.

Когда все это было готово, Иванъ Кольцо съ царскими воеводами отправился снова въ Сибирь и по-

шелъ той же дорогой, которой они шли прежде съ Ермакомъ Тимофеевичемъ.

Идя этимъ путемъ, онъ рассказывалъ Болховскому и Глухову о всемъ, что имъ приводилось здѣсь встрѣчать во время ихъ похода, а дойдя до Кукуй-города, онъ всѣмъ предложилъ тутъ остановиться и отдохнуть. Затѣмъ уже весь путь они продолжали безостановочно и 1-го марта 1583 г. благополучно прибыли въ Сибирь.

Ермакъ и всѣ находившіеся въ Сибири казаки встрѣтили прибывшихъ изъ Москвы радостно, вышли къ нимъ навстрѣчу съ пѣснями и съ музыкой и чуть не на рукахъ внесли ихъ въ городъ.

Придя въ Сибирь, царскіе воеводы сейчасъ же объявили Ермаку и всѣмъ казакамъ государеву милость и роздали присланное жалованье и подарки.

Ермакъ съ казаками торжествовалъ. Всѣ они очень обрадовались тому, что государь Іоаннъ Васильевичъ не только простилъ имъ всѣ прежнія ихъ вины, но и за новую ихъ службу не оставилъ своей царской милостью. Стали они тутъ дарить царскихъ воеводъ чѣмъ кто могъ—соболями, лисицами и другими дорогими мѣхами, а Ермакъ на радостяхъ задалъ такой пиръ всѣмъ ратнымъ людямъ, что московскіе воеводы только диву дались.

Вскорѣ послѣ этого плѣнный Кучумовъ родственникъ Махметкулъ былъ отправленъ Ермакомъ въ Москву къ царю Іоанну Васильевичу Грозному, который принялъ его очень ласково, наградилъ разными подарками и, взявъ къ себѣ на службу, сильно къ нему привязался, а впослѣдствіи далъ ему хорошія вотчины.

VII.

Князь Семень Болховской съ Иваномъ Глуховымъ запасовъ съ собой въ Сибирь привезли мало, полагая, что у казаковъ ихъ заготовлено много; а казаки между тѣмъ вовсе не ждали, что царскія войска придуть въ мартъ мѣсяцъ, то есть зимою, и на зиму запасались только для себя; поэтому заготовленные запасы скоро вышли и въ Сибири началъ ощущаться голодъ.

Страшные сибирскіе морозы и вьюги, препятствуя казакамъ выходить на охоту и рыбную ловлю, мѣшали въ то же время доставкѣ хлѣба изъ сосѣднихъ юртовъ, гдѣ нѣкоторые жители занимались скуднымъ хлѣбопашествомъ.

Отъ недостатка свѣжей пищи открылась болѣзнь цынга, обыкновенная для новыхъ пришельцевъ въ холодномъ и сыромъ сибирскомъ климатѣ. Болѣзнь и голодъ произвели большую смертность: стали умирать ежедневно и казаки и московскіе ратники; въ числѣ прочихъ умеръ и самъ воевода Болховской.

Правда, наступившая вскорѣ весна хотя и способствовала прекращенію болѣзни и голода, но бѣдствія казаковъ этимъ еще не кончились. Борьба съ суровою природою оказалась для храбрыхъ и мужественныхъ казаковъ менѣе опасною, нежели борьба съ вѣроломными сосѣдями, не терявшими надежды уничтожить все дѣло Ермака, стоившее ему и его сподвижникамъ столькихъ трудовъ и лишеній.

У русскихъ въ Сибири оставался еще одинъ очень сильный врагъ, вельможа Карача, измѣнившій Ку-

чуму во время объявленія войны княземъ Сейдакомъ и теперь имѣвшій у себя многолюдный улусъ на рѣкѣ Тарѣ. Этотъ Карача хотя и показывалъ видъ, что онъ друженъ съ русскими, но тѣмъ временемъ изыскивалъ всѣ средства, какъ бы насолить имъ, а не то и вовсе прогнать ихъ изъ сибирской земли.

Однажды онъ прислалъ Ермаку много разныхъ подарковъ и велѣлъ своимъ посламъ сказать ему такъ: „хочу быть вѣрнымъ слугою московскаго царя, а ты пришли въ мой улусъ своихъ казаковъ, которые чтобы защищали меня и моихъ людей отъ недруговъ моихъ—ногаевъ. Казаковъ я приму съ честью и награжу ихъ за ихъ службу“.

Повѣрилъ Ермакъ хитрому татарину и, посоветовавшись со своими казаками, отрядилъ къ нему сорокъ человекъ самыхъ лучшихъ воиновъ подъ командою своего любимца, атамана Ивана Кольцо. Эта горсть отважныхъ удалцовъ могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей, но они шли къ мнимымъ друзьямъ безъ всякаго опасенія и сдѣлались жертвою своей довѣрчивости: Карача въ своемъ улусѣ напалъ на казаковъ врасплохъ, со множествомъ своихъ татаръ, и всѣхъ ихъ до одного перерѣзалъ.

Горько плакалъ Ермакъ о своемъ вѣрномъ сподвижникѣ и его товарищахъ. Какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ горевалъ онъ о нихъ, считая себя нѣкоторымъ образомъ виновникомъ преждевременной смерти ихъ, потому что повѣрилъ вѣроломному Карачѣ, но дѣлать было нечего...

Обрадовавшись чувствительной потерѣ Ермака, окрестные народцы, бывшіе данниками московскаго государя, возмутились противъ русскихъ, убили въ одномъ разѣ-

ѣздѣ атамана Якова Михайлова и затѣмъ соединились съ Карачею, собравшимъ къ этому времени большую ратную силу.

Плохо пришлось казакамъ. Татары несмѣтнымъ числомъ подошли къ городу Сибири и обложили его со всѣхъ сторонъ. Карача со своими воинами не подходилъ къ Сибири близко, а держался поодаль и рѣшилъ осажденныхъ имъ казаковъ уморить голодомъ. Казаковъ въ городѣ было мало, но несмотря на это они отсиживались долго и крѣпко.

Наступилъ юнѣ мѣсяцъ. Къ татарамъ каждый день прибывали все свѣжія рати, а у осажденныхъ уже стали выходить съѣстные запасы и положеніе становилось критическимъ. Увидѣлъ это Ермакъ Тимоѣевичъ и рѣшился на отчаянное дѣло.

Жалѣя людей, которыхъ у него и такъ было незначительное количество, онъ до сихъ поръ не дѣлалъ вылазокъ; стрѣлять же изъ легкихъ пушекъ не было никакого смысла, потому что непріятель стоялъ внѣ выстрѣловъ. Теперь же Ермакъ рѣшилъ произвести вылазку и выбралъ для этого темную и дождливую ночь.

Казаки вышли изъ города Сибири тайкомъ и осторожно прокрались сквозь непріятельскіе обозы къ становищу Карачи, которое находилось на урочищѣ, называемомъ Саусканомъ. Татары казаковъ не ожидали и, не видя поэтому никакой опасности, спали какъ убитые. Казаки кинулись на нихъ и начали ихъ рѣзать.

Заметались татары спросонокъ; слышать они, что повсюду и стоны и крики, а ничего впотьмахъ не видятъ и не понимаютъ. Много въ эту ночь было

побито татаръ и въ числѣ ихъ были убиты два сына Карачи. Точно вихрь носились казаки по обезумѣвшему отъ ужаса становищу Карачи и пощады не давали никому; все передъ ними бѣжало или же падало и умирало. Такъ продолжалось до самаго разсвѣта.

Когда занялась заря, татары нѣсколько ободрились и въ свою очередь кинулись на казаковъ; но казаки не сробѣли. Забравшись въ обозъ Карачи, они стали оттуда отстрѣливаться. Бой продолжался до полудня. Наконецъ, татары не выдержали и въ безпорядкѣ ударились въ бѣгство. Самъ Карача бѣжалъ за рѣку Ишимъ.

Послѣ этой битвы людей у Ермака осталось еще меньше, но онъ все же не упалъ духомъ и пошелъ вверхъ по Иртышу въ погоню за коварнымъ Карачею. На своемъ пути казаки забирали разные городки и сейчасъ же ихъ разоряли, мстя за Ивана Кольцо и за всѣхъ погибшихъ съ нимъ товарищей. Всюду, гдѣ проходилъ Ермакъ съ своими удалцами, оставались потомъ лишь груды развалинъ да долго дымились пепелища пожаровъ.

Чтобы умиловить разсвирѣпѣвшаго Ермака, одинъ изъ татарскихъ князей, по имени Еличай, привелъ къ нему свою красавицу дочь, невѣсту Кучумова сына, и, предлагая взять ее въ жены, просилъ не разорять его владѣній. Но цѣломудренный Ермакъ отказался отъ этого предложенія. „Нѣтъ, князь,—сказалъ онъ Еличаю,—вижу, что дочь твоя красавица, но взять ее къ себѣ въ жены не могу. Черезъ такую-то вотъ штуку у насъ прародителя нашего Адама изъ рая выгнали“.

Однако худого Ермакъ Еличаю ничего не сдѣлалъ и владѣній его не тронулъ. Послѣ этого, взявъ еще одинъ городокъ Таташканъ и достигнувъ рѣки Шиша, гдѣ начинаются однѣ голыя степи, Ермакъ съ казаками повернулъ назадъ и возвратился въ Сибирь.

Утвердившись въ Сибири, казаки завязали торговые отношенія съ бухарцами, и бухарскіе караваны уже два года къ урочному времени являлись въ городъ Сибирь на ярмарку, но въ 1584 году они вдругъ отчего-то запоздали. Въ началѣ августа, Ермакъ неожиданно получилъ извѣстіе, что бухарскіе караваны запоздали потому, что Кучумъ собирается перехватить ихъ и разграбить. Извѣстіе это было выдумкой самого Кучума, который самъ прислалъ своего татарина къ Ермаку, чтобы заманить его въ ловушку и погубить.

Отобравъ сейчасъ же пятьдесятъ человекъ отважныхъ и надежныхъ казаковъ, Ермакъ пустился съ ними на поиски вверхъ по Иртышу. Цѣлый день плыли казаки, выходили во многихъ мѣстахъ и на берегъ, но нигдѣ не встрѣтили ни купцовъ, ни Кучумовыхъ людей. Наступала уже ночь, приходилось возвращаться ни съ чѣмъ домой. Но за цѣлый день казаки до того истомились, что необходимо было дать имъ отдыхъ.

И вотъ, на возвратномъ пути казаки причалили къ острову при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ. Привязавъ лодки къ кустамъ, они вышли на островъ, разбили шатры и отъ сильной усталости заснули всѣ до одного, не поставивъ даже и часовыхъ.

Всегда очень осторожный и бдительный, Ермакъ на этотъ разъ оплошалъ,—злая судьба точно захотѣла посмѣяться надъ нимъ и надъ всѣми его храбрыми и отважными товарищами...

VIII.

Ночь была темная и ненастная. Съ покрытаго тучами неба лилъ сильный дождь, а надъ шатрами казаковъ со свистомъ и воемъ пролеталъ холодный свѣрный вѣтеръ. По широкому и глубокому Иртышу съ шумомъ катились пѣнистыя волны и однообразный рокоть ихъ пѣлъ казакамъ послѣднюю колыбельную пѣсню. Какъ убитые спали они послѣ трудового дня и совсѣмъ забыли про татаръ.

А татары были близко...

Кучумъ цѣлый день не терялъ слѣдовъ своего злѣйшаго врага и теперь подстерегалъ казаковъ съ другого берега Иртыша.

Въ самую глухую ночную пору онъ послалъ одного своего татарина искать бродъ къ острову, потому что лодокъ въ это время у татаръ не было. Этотъ татаринъ былъ за что-то приговоренъ къ смерти, но Кучумъ обѣщалъ помиловать его, если онъ только доберется до казаковъ, не переполошивъ ихъ.

Татаринъ поѣхалъ верхомъ на лошади, нащупалъ бродъ, высмотрѣлъ бивуакъ казаковъ и вернулся къ Кучуму съ вѣстью, что казаки всѣ крѣпко спятъ и сторожей не выставили.

Кучумъ не повѣрилъ такому невѣроятному извѣстію и послалъ татарина въ другой разъ пробраться къ казакамъ и принести ему какой-нибудь „знакъ“, вещественное доказательство справедливости своихъ словъ.

— Не можетъ этого быть, — съ улыбкой сказалъ Кучумъ, — Ермакъ хитеръ... посмотри хорошенько: не скры-

вается ли тутъ какая-нибудь хитрость, которая можетъ погубить насъ всѣхъ. Охъ, знаю я этого „шайтанова“ Ермака!..

Татаринъ отправился снова, перебрелъ рѣку и осторожно, какъ кошка, подползъ къ одному изъ казачьихъ шатровъ. Просунувъ подъ шатеръ руку, онъ вытащилъ оттуда три ружья и три пороховницы; затѣмъ ползкомъ добрался до берега и принесъ все это къ Кучуму.

„Заиграло тогда сердце Кучумово“, — сказано въ лѣтописи. Большой толпой, но тихо и осторожно татары стали переправляться черезъ Иртышъ къ острову. Казаки продолжали спать крѣпко и за шумомъ волнъ да воемъ вѣтра ничего не слышали. А татары, перебравшись благополучно на островъ, подкрались къ безпечно спавшимъ казакамъ и, дружно бросившись на нихъ, принялись рѣзать.

Такъ плачевно погибли всѣ удалые казаки, бывшіе для татаръ страхомъ и грозой. Только два человѣка спаслись отъ татарскаго ножа: одинъ казакъ, который, добравшись потомъ до города Сибири, принесъ казакамъ-товарищамъ ужасную вѣсть о гибели своихъ, а другой самъ Ермакъ.

Услыхавъ стоны и суматоху, онъ вскочилъ съ земли и, схвативъ саблю, бросился на татаръ, успѣвъ уложить ихъ человѣкъ шесть. Но татары начали сильнѣе напирать на него. „Ко мнѣ, ко мнѣ, братцы! ко мнѣ, мой товарищи!“ громко закричалъ Ермакъ, да никто уже не откликнулся ему, никто не явился на его зовъ...

Увидѣлъ Ермакъ, что дѣло поправить уже нельзя, кинулся къ берегу и, зарубивъ по дорогѣ еще нѣ-

сколько татаръ, бросился къ лодкамъ, но послѣднихъ у берега не было. Ихъ всѣ бурей оторвало отъ кустовъ и унесло на средину Иртыша. Темные силуэты ихъ чуть виднѣлись въ темнотѣ ночи. Тогда Ермакъ кинулся съ крутого берега въ воду и поплылъ, но тяжелые доспѣхи, подарокъ московскаго государя, не давали ему плыть и тянули ко дну. Ослабѣвъ Ермакъ, посмотрѣлъ онъ въ сторону острова, гдѣ на берегу столпились посмотрѣть на любопытное зрѣлище татары, и перекрестившись погрузился въ воду. Это было 5-го августа 1584 года, а 13 августа тѣло Ермака было найдено въ 12 верстахъ отъ Абалака, близъ селенія „Епанчинскія юрты“.

Татаринъ Янишъ, внукъ князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ человѣческія ноги и, закинувъ петлю, вытащилъ на берегъ трупъ. Присмотрѣвшись къ нему хорошенько, Янишъ узналъ въ немъ Ермака и сейчасъ же созвалъ всѣхъ жителей селенія посмотрѣть на бездушнаго исполина, наводившаго страхъ и ужасъ при жизни.

Какъ самъ Кучумъ, такъ и всѣ остяцкіе князьки, извѣщенные о драгоцѣнной находкѣ, сильно этому обрадовались и пріѣхали потѣшиться надъ ненавистнымъ, хотя уже безвреднымъ врагомъ. Положивъ тѣло Ермака на возвышенную площадку, татары стали пускать въ него стрѣлы и изрѣшетивъ зарыли въ землю подъ высокой и кудрявой сосною.

Доспѣхи Ермака Тимофеевича пріѣхавшіе раздѣлили между собою такъ: верхняя кольчуга атамана была отдана жрецамъ бѣлогорскаго идола, нижняя—мурзѣ Кандаулу, кафтанъ—князю Сейдаку, а сабля съ поясомъ—Карачѣ.

Горько заплакали осиротѣвшіе казаки, узнавъ о смерти своего удалого атамана, и пришли въ совершенное отчаяніе. „Пропали мы теперь совсѣмъ, всѣхъ теперь перерѣжутъ насъ татары“, говорили они другъ другу и порѣшили возвратиться въ русскую землю. Со смертью Ермака для нихъ все кончилось и 15 августа они подъ командою своего единственного оставшагося въ живыхъ атамана Матвѣя Мещеряка вышли изъ города Сибири и, сѣвъ на струги, поплыли на родину.

Городъ Сибирь опустѣлъ. Въ него вошелъ сначала сынъ Кучумовъ, Алей, а вслѣдъ за нимъ и самъ Кучумъ. Сильно радовался старый татарскій ханъ, что воротилъ свое царство, но скоро пришелъ Сейдакъ и выгналъ его вонъ изъ Сибири.

Казаки ушли, но дѣло атамана Ермака Тимоѣевича не погибло. Путь въ Сибирь былъ указанъ, и начало русскому владычеству въ этомъ краю было положено. Послѣ смерти Грознаго и гибели Ермака, русскіе отряды одинъ за другимъ пошли по пути, указанному имъ, за „Каменный поясъ“. Туземные, полудикіе народцы одни за другими подпадали подъ власть русскаго царя и несли ему свои подати.

Преемникъ Іоанна Грознаго, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, еще не зная о смерти Ермака, но зная объ уменьшеніи его силъ вслѣдствіе голода и болѣзней, немедленно послалъ въ Сибирь воеводу Ивана Мансурова съ отрядомъ стрѣльцовъ, а вслѣдъ за нимъ и другихъ воеводъ—Василія Сукина, Ивана Мяснаго и Данилу Чулкова съ значительнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльными припасами.

Мансуровъ встрѣтилъ сибирскихъ героевъ, атамана

Матвѣя Мещеряка съ остаткомъ Ермаковыхъ сподвижниковъ на рѣкѣ Турѣ. Не страшась новыхъ опасностей, казаки возвратились вмѣстѣ съ воеводою къ устью Тобола.

Однако имъ не удалось взять Сибири, гдѣ господствовалъ уже не старый Кучумъ, а князь Сейдакъ. Тогда казаки предложили Мансурову плыть далѣе Иртышемъ. Тамъ, гдѣ Иртышъ впадаетъ въ Обь, они вышли на берегъ и построили деревянную крѣпость. Остяки задумали взять эту крѣпость. Принесли они съ собою своего бѣлогорскаго идола и начали молиться ему подъ деревомъ, чтобы онъ помогъ имъ одолѣть русскихъ. Когда же русскіе однимъ изъ пушечныхъ выстрѣловъ сокрушили этого идола, остяки въ ужасѣ разбѣжались.

Воеводы Сукинъ и Мясной остановились на берегу Туры и на мѣстѣ городка Гингія основали нынѣшній городъ „Тюмень“. А Чулковъ заложилъ недалеко отъ города Сибири городокъ „Тобольскъ“, и въ немъ въ 1587 году первую христіанскую церковь. Извѣстивъ объ этомъ воеводу Мансурова и атамана Мещеряка и соединившись съ ними, онъ разбилъ Сейдака, пытавшагося въ это время приступомъ взять крѣпость Тобольскъ. Самъ Сейдакъ, раненый, былъ взятъ въ плѣнъ, а весь обозъ его достался побѣдителямъ.

Однако, эта побѣда, довершившая паденіе Сибирскаго царства, стоила жизни не малымъ русскимъ удалцамъ, а вмѣстѣ съ ними и послѣднему Ермакову сподвижнику атаману Матвѣю Мещеряку.

Сибирь послѣ этого опустѣла и новою столицею обширнаго зауральскаго края сталъ городъ Тобольскъ.

Кучумъ въ это время держался съ шайками но-

гаевъ въ Барабинской степи, жегъ селенія и убиваль людей въ самыхъ окрестностяхъ Тобола.

Чтобы унять этого разбойника, новый сибирскій воевода, князь Кольцовъ-Мосальскій, ходилъ въ глубину Ишимскихъ степей и близъ озера Чили-Кула 1 августа 1591 года истребилъ большую часть Кучумовой конницы, захвативъ въ плѣнъ двухъ его женъ и сына Абдуль-Хаира.

Напрасно царь Θεодоръ Іоанновичъ предлагалъ Кучуму черезъ своихъ пословъ города и волости въ Россіи, обѣщая даже оставить его царемъ сибирской земли, если онъ только изъявитъ свою покорность. Напрасно убѣждалъ къ тому же своего отца и плѣнникъ Абдуль-Хаиръ, прославляя великодушіе царя Θεодора, давшего ему и Махметкулу въ собственность богатяя земли. Кучумъ все это съ гордостью отвергъ.

— Я,—отвѣчалъ онъ чрезъ посланныхъ на предложеніе московскаго царя, — не уступалъ Ермаку Сибири, хотя онъ у меня и взялъ ее. Желая мира, я требую берега Иртыша!

Наконецъ, злосчастный старикъ Кучумъ былъ убитъ ногами, которые сдѣлали это изъ боязни навлечь на себя, за держаніе у себя Кучума, гнѣвъ русскихъ.

Послѣ этого, продолжая укрѣпляться за Уральскими горами, русскіе строили тамъ много городовъ и крѣпостей. Такъ въ 1592 году, при Тобольскомъ воеводѣ князѣ Θεодорѣ Михайловичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ были основаны: Пелымъ, Березовъ, Сургутъ и многія другія, а въ концѣ концовъ весь сибирскій край сталъ принадлежать Россіи.

Начатое Ермакомъ дѣло не умерло... Въ благодарность за это въ 1839 году въ городѣ Тобольскѣ, не-

подалеку отъ того мѣста, гдѣ находился древній Искеръ или Сибирь, на высокому холмѣ Ермаку воздвигнуть памятникъ. Подножье памятника гранитное, вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина; самый же памятникъ мраморный въ 7 сажень вышины. Со всѣхъ четырехъ сторонъ памятника высѣчены слова. Съ одной стороны: *Покорителю Сибири Ермаку*. Съ другой:—*Воздвигнутъ въ 1839 году*. Съ третьей: 1581 г. (годъ прихода Ермака въ Сибирь) и съ четвертой: 1584 г. (годъ смерти Ермака).

Въ Сибири почти у каждаго крестьянина, даже у самаго бѣднаго, виситъ на стѣнѣ въ избѣ портретъ Ермака, а про подвиги этого отважнаго атамана сложено не мало пѣсенъ и хорошихъ легендъ.

К О Н Е Ц Ъ .

— 0211

Цѣна 20 коп.